

наго сознанія любить не преходящую и призрачную животную личность, а то, чтѣсть существенного и вѣчного въ человѣкѣ, т. е. разумное сознаніе. Но и мое, и его («другого») разумное сознаніе, и разумное сознаніе всѣхъ людей есть именно тотъ безличный разумъ, который есть основа всего сущаго. Что же выходить? Любовь моя къ другому есть любовь моего разумнаго сознанія къ разумному сознанію другого, т. е. любовь всеобщаго безличнаго разума къ самому себѣ. Правда, живущій во мнѣ безличный разумъ можетъ любить животную личность другого, именно какъ вмѣстилище разумнаго сознанія другого, т. е. вмѣстилище себя самого, но въ такомъ случаѣ является непонятнымъ, почему же я, т. е. мое разумное сознаніе, не должно любить свою собственную животную личность: ведь она такое же законное вмѣстилище для него, какъ и всѣ другія животныя личности. Въ первомъ случаѣ, когда разумное сознаніе любить въ другомъ такое же разумное сознаніе, оказываются ненужными всякия жертвы на пользу животной личности другого, ибо она есть то, что не стоятъ любви и чего не можетъ любить разумное сознаніе. Во второмъ, когда разумное сознаніе любить въ другомъ животную личность, именно какъ вмѣстилище разумнаго сознанія, вполнѣ узаконяется тотъ эгоизмъ, та любовь къ своей животной личности, которой Л. Толстой такъ боязливо избѣгаетъ даже въ видѣ законной любви къ своей богоподобной личности въ истинномъ христіанствѣ. Въ концѣ-концовъ безъ всякихъ діалектическихъ фокусовъ выходитъ, что любя себя—я люблю другихъ, любя другихъ—я люблю себя, въ сущности я люблю себя одного въ разныхъ видахъ, ибо и любящій субъектъ и любимый объектъ съ точки зрѣнія метафизики Л. Толстого есть тотъ же безличный разумъ, который живеть во всѣхъ человѣческихъ единицахъ, какъ носитель закона любви.

Этотъ же всеобщій безличный разумъ, являющійся у Л. Толстого метафизическій основой единства и родства всѣхъ человѣческихъ единицъ и вмѣсть съ тѣмъ носителемъ закона истинной жизни—любви, есть также основа истиннаго человѣческаго бессмертія. Можно недоумѣвать, зачѣмъ нашему моралисту, ограничивающему цѣль нравственной дѣятельности